# Влияние на должника как признак выгодоприобретателя в банкротной субсидиарной ответственности и фактическая неопровержимость презумпции наличия такого влияния

**Сафин Талгат Ильнарович**
аспирант кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, talgat.safin.1998@gmail.com

В данной статье автор рассматривает «возможность определять действия должника» в качестве конституирующего признака контролирующего должника лица, в том числе в случаях действия презумпции подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве (при извлечении выгоды за счёт должника) и пункта 5 статьи 61.10 Закона о банкротстве (предоставляющего суду право по своему усмотрению присваивать статус контролирующего должника лица). На основе грамматического и телеологического толкования соответствующих норм аргументируется необходимость наличия данного признака во всех случаях привлечения к банкротной субсидиарной ответственности. Отдельное внимание уделено вопросу применения презумпции влияния в отношении «транзитных структур», используемых конечными бенефициарами для извлечения выгод за счёт должника. Рассматриваются особенности фактической опровержимости презумпции в случаях сделок рыночных и сделок, выгода по которым превышает среднерыночные показатели. Автор приходит к выводу о фактической неопровержимости «презумпции влияния» выгодоприобретателя на должника ввиду отсутствия доказательств, которые суд по своему внутреннему убеждению примет в качестве достоверных и достаточных. В качестве законодательного и доктринального решения предлагается конструкция безвиновной ответственности выгодоприобретателей, обогатившихся за счёт впавшего в банкротство должника на условиях, существенно превышающих среднерыночные.

**Ключевые слова:** контролирующее должника лицо, возможность определять действия должника, дискреция суда, «презумпция влияния при извлечении выгоды», невозможность опровержения «презумпции влияния».

**Введение**

Пункт 1 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) указывает в качестве признака контролирующего должника лица (далее – КДЛ) наличие возможности «определять действия должника». При этом данная норма устанавливает, что Законом о банкротстве может быть предусмотрено иное. Рассмотрим данное исключение с точки зрения грамматического и телеологического толкований. Конституционный Суд РФ устанавливает грамматическое толкование в качестве исходной точки интерпретации закона (пункт 2.3.2 Решения КС РФ от 19.10.2021, утвердившего «Методологические аспекты конституционного контроля»). По мнению С.С. Алексеева, «[г]рамматическое толкование является среди всех способов толкования первичным и исходным… [В]о всех случаях «буква» закона остается исходной, непогрешимой, ненарушаемой основой его понимания» [1, с. 131-132]. «Телеологическое толкование» – «толкование на основе учета целей законодательного регулирования» (Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 28.11.2024 N 310-ЭС24-8358). Г.А. Гаджиев уточняет понятие «телеологического толкования» через «уяснение смысла нормы в контексте целевых установок законодателя, когда правоприменитель учитывает не только исторически обусловленное намерение законодателя, но и цель, которую он ставил перед собой» [19].

**Материалы и методы исследования**

Из грамматического толкования пункта 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве можно сделать ошибочный вывод, что для случаев, предусмотренных подпунктом 3 пункта 4 и пунктом 5 статьи 61.10 того же закона, наличие возможности «определять действия должника» признаком КДЛ не является. Данные нормы предусматривают присвоение статуса КДЛ двум категориям субъектов: (а) лица, извлекшие выгоды из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, например, руководителя должника и (б) лица, которым статус КДЛ присвоен судом по иным основаниям (вопрос отнесен к исключительной судейской дискреции). В действительности, из телеологического толкования закона следует обязательность наличия признака возможности «определять действия должника» для обоих вышеуказанных случаев. Применительно к выгодоприобретателю можно предположить, что данный признак нерелевантен, и сам факт извлечения выгоды влечет присвоение статуса КДЛ. Необоснованность такого подхода вытекает из двух позиций. Во-первых, абзац 1 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве теоретически дает выгодоприобретателю право опровергнуть презумпцию, и ничем, кроме доказывания факта отсутствия влияния на должника, эту презумпцию не оспорить. Во-вторых, категория «контролирующее должника лицо» без признака контроля теряет свое значение и делает бессодержательным определение КДЛ из пункта 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве (поскольку в данном пункте нет других признаков, которые можно считать определяющими, а установленный трехлетний срок альтернатив в Законе о банкротстве не имеет). Этот второй довод в полной мере относится и к пункту 5 той же статьи, делая признак наличия влияния на должника конституирующим для КДЛ в любом случае. Данный пункт (вопреки его буквальному содержанию) нельзя толковать как отсутствие у суда любых ограничений в вопросе присвоения лицу статуса КДЛ (обратное фактически будет означать передачу суду полномочий законодателя). Комментируя эту норму, Б.А. Булаевский справедливо констатирует, что «при решении во-

проса об ответственности конкретного лица важнейшей гарантией является правовая определенность… Сам факт «вторжения» в частную жизнь по судейскому усмотрению несет за собой неустранимую угрозу основам правового государства» [5, с. 16-18]. По верному замечанию Г.А. Гаджиева, расширение судейской дискреции ограничивает полномочия парламента [8]. Это, безусловно, касается и случаев самоограничения законодателя, противоречащих закрепленному статьей 10 Конституции РФ принципу разделения властей. Как отмечает О.Р. Зайцев (участник рабочей группы, разработавшей проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», далее – «Постановление N 53»), целью введения в законодательство о банкротстве конструкции КДЛ была необходимость четкой констатации, что в рамках субсидиарной ответственности «отвечают не только формальные органы управления» [6]. По всей видимости, пункт 5 статьи 61.10 включен в Закон о банкротстве в связи с тем, что законодатель не имеет возможности перечислить в нормативном акте все варианты извлечения выгод и признаки оказания влияния на должника. Их огромное множество, начиная с простого дарения и заканчивая сложными по доказыванию и выражению в денежном эквиваленте «услугами» по неразумному самоустранению должника от участия в изначально запланированных выгодных тендерах/контрактах, непродлению/отказу от лицензий на разработку перспективных месторождений природных ресурсов и др. Например, в Определении N 307-ЭС20-2151(68-71) от 13.01.2025 Верховный Суд РФ поддержал суд первой инстанции, который (в числе прочих фактов, повлекших негативные для должника последствия) указал на «расторжение… лицензионных соглашений…, в результате чего должник лишился известных на рынке товарных знаков». Арбитражный управляющий должника оценил ущерб от такого отказа в сумму более 1 млрд. рублей [7]. Как пишет Л. Тарашкевич «кредиторы могутъ понести вредъ, когда должникъ умышленно вследствіе бездействія теряетъ прислуживающее ему право, уменьшая темъ свое имущество» [28, с. 50]. Верховный Суд РФ, используя термин КДЛ, говорит о фактическом контроле над должником без признаков формально-юридических (пункт 3 Постановления N 53). Пункт 5 статьи 61.10 Закона о банкротстве в этой связи следует толковать не как ничем не ограниченную судейскую дискрецию, а как право суда (во исполнение положений пункта 1 той же статьи) признавать статус КДЛ за лицами, имеющими фактическое влияния на должника, но не перечисленными в пунктах 2 и 4 той же нормы (которая не способна охватить все жизненные ситуации влияния). Еще И.А. Покровский писал, что «[з]акон, даже самый совершенный, неизбежно отстает от жизни: раз изданный, он остается неподвижным, меж тем как жизнь идет непрерывно вперед, творя новые потребности и новые отношения. Искать для этих новых явлений решения в старом законе, даже в общем его духе – значит либо насиловать жизнь, либо создавать из этих ссылок на закон очевидную фикцию, недостойную высокого положения суда» [24]. Рассматривая вопрос разграничения (на законодательном уровне) деликтов и случаев извинительного заблуждения, К.Н. Анненков заключает, что «[п]еречислить все те отдельные недозволенные деяния, или упущения непреступные, совершением которых может быть причинен вред другому, по возможному крайнему их разнообразию не представляется, разумеется, никакой возможности…» [2, с. 500], «вследствие слишком большого разнообразия действий, могущих быть направленными против имущества лица» [2, с. 505]. Д.В. Дождев отмечает, что «[а]бстрактная норма общего действия (закон) или даже фиксированное разрешение конфликта интересов в одном случае, но предназначенное стать моделью для разрешения конфликтов в сходных ситуациях (прецедент), не могут учесть возможное разнообразие возникающих ситуаций, существенные, значимые детали других, тем более всех возможных случаев» [14, с. 10]. А.Г. Гойхбарг высказывается на этот счет следующим образом: «[з]акон дает и может дать только форму права, конкретное же его осуществление дает и может быть чрезвычайно разнообразным. Поэтому нет возможности при самом описании права и его последствий предусмотреть и изложить мыслимые извращения при практическом его осуществлении» [9, с. 52]. В рассматриваемой нами ситуации закон может предусмотреть лишь общие правила (необходимость признания статуса КДЛ за субъектами, повлиявшими на должника), не давая всеобъемлющего определения слову «влияние» и предоставляя широкие права судам (так называемое «право судей» [1, с. 35]. В связи с вышеизложенным нельзя признать верным такое толкование закона, при котором суд может признать лицо контролирующим, опираясь на критерии, которые абсолютно отсутствуют в законодательстве, которые каждый судья вводит по собственному усмотрению и которые не имеют к контролю над должником никакого отношения (этот вывод в полной мере относится и к выгодоприобретателям). Такие представители доктрины как О.В. Гутников также считают подобную трактовку Закона о банкротстве «совершенно недопустимой» [12]. Косвенное подтверждение нашему выводу мы находим у Р.Т. Мифтахутдинова, который трактует пункт 5 статьи 61.10 Закона о банкротстве как предоставляющий «арбитражному суду широкую презумпцию для установления факта контроля и возможности формирования волеизъявления должника» [21].

**Результаты и обсуждение**

Представленная нами аргументация подтверждает, что единственным верным правовым решением является такое толкование пункта 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве, при котором для признания субъекта «контролирующим должника лицом» у него всегда должна наличествовать (пусть даже только презюмируемая) «возможность определять действия должника». С.С. Алексеев называет это «абстрактным способом изложения» юридических норм в тексте закона (когда «признаки явлений, их многообразие даются в обобщенном виде, т.е. в виде абстрактного понятия») [1, с. 111]. Указание в данной норме на возможные исключения (норма начинается со слов «[е]сли иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом») из данного правила оставлено законодателем без нормативного воплощения. Таких изъятий Закон о банкротстве в настоящее время не предусматривает. По факту здесь имеет место «ложный вариант латентного конструирования бланкетной правовой нормы» [26, с. 22]. И поскольку пункт 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве содержит открытый перечень оснований для признания лица контролирующим (в силу его положений любая «возможность определять действия должника» позволяет суду присвоить субъекту статус КДЛ), с формально-логической точки зрения норма пункта 5 той же статьи является дублирующей. В ней нет необходимости и применительно к такому субъекту субсидиарной ответственности как выгодоприобретатель.

Наличие влияния и действие презумпции подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве следует констатировать и в отношении так называемых «транзитных структур», которые используются для совершения правонарушений «конечными бенефициарами» (терминология пунктов 4 и 5 «Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020). Подобные структуры выступают в сделках «первыми выгодоприобретателями», которые (а) подконтрольны «конечному бенефициару»; (б) имеют влияние на должника через «конечного бенефициара»; (в) передают последнему «извлеченную выгоду», выступая лишь «транзитными звеньями». Не является препятствием для презюмирования наличия влияния (предусмотренного подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве) отсутствие факта итогового личного обогащения (легко выявляемого через отслеживание перехода к «конечному бенефициару» ти-

тула и/или денежных средств). Причин тому пять: (а) закон презюмирует, что любое лицо, извлекающее за счет банкрота выгоду, является КДЛ (сам смысл нормы в том, что постороннему должник такой возможности не предоставит); (б) «первый выгодоприобретатель» лично выгоду извлек (пусть временно, но непосредственно от должника); (в) рассматриваемая норма не учитывает обстоятельства, имевшие место после «извлечения выгоды»; (г) отмена действия презумпции в отношении «первого выгодоприобретателя», передавшего «извлеченную выгоду» «конечному бенефициару», повлечет за собой абсурдную по своему существу подмену предмета спора (вместо доказывания факта отсутствия влияния «первому выгодоприобретателю» достаточно будет доказать свой «транзитный» статус), что, во-первых, противоречит телеологическому толкованию закона, который такой замены для выгодоприобретателя не предполагает и, во-вторых, выхолащивает сам смысл введения презумпции, единственным маркером которой является факт получения выгоды; (д) если «конечный бенефициар» негласно назначит финальным держателем актива формально независимое лицо, то такой, например, друг детства и «транзитное звено» будут выпадать из-под действия подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве (первый заявит, что не вступал в отношения с должником, соответственно, «из незаконного или недобросовестного поведения директора» последнего выгод не извлекал, а второй лично не обогатился). При установлении презумпции «контролирующего выгодоприобретателя» законодатель такого подхода, очевидно, не предполагал.

Отдельного внимания заслуживает вопрос фактической опровержимости презумпции влияния выгодоприобретателя, заключившего для себя (с руководителем должника, действовавшем незаконно или недобросовестно) настолько выгодную сделку, что она привела к банкротству последнего. Дополняя Закон о банкротстве подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10, российский законодатель обоснованно исходил из древнеримского понимания презумпции как «выражени[я] того, что происходит чаще всего (praesumptio sumitur ex eo quod plerumque fit)» [11, с. 182]. Применительно к презюмированию наличия влияния у выгодоприобретателя Р.К. Лотфуллин также констатирует, что «признаки фактического контроля могут проявляться в гражданском обороте именно через экономические отношения, которые складываются между КДЛ и должником» [18, с. 33-35].

Если размер извлеченной выгоды соответствует обычным условиям гражданского оборота, проблем с опровержением «презумпции влияния» у ответчика, как правило, не возникает. Ему достаточно представить свидетельства рыночности цены, которые являются доказательствами объективными (теми, которые можно подтвердить независимыми источниками). Верховный Суд РФ считает такие доказательства рыночности подтверждением добросовестности выгодоприобретателя, не признавая за ним статуса КДЛ (пункт 7 Постановления N 53). Сегодня данное утверждение выводится лишь догматически, что, конечно, позволяет решать практические проблемы, но, очевидно, уступает (по сравнению с законом) в доступности к пониманию со стороны субъектов гражданского оборота. В связи с этим считаем необходимым внести соответствующие изменения непосредственно в текст Закона о банкротстве.

«Извлечение выгоды» имеет место и в ординарной коммерческой сделке, не предполагающей повышенной доходности. Так, продавая по стандартной розничной цене грузовик, заводпроизводитель выгоду извлекает. Кауза такой сделки всегда подразумевает выгоду. Формально здесь имеются все основания для применения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве (например, когда директор покупателя действовал незаконно (без необходимого одобрения собрания участников) и необдуманной крупной непрофильной покупкой спровоцировал банкротство покупателя). Презюмирование наличия влияния такого продавца на покупателя представляется в этом казусе иррациональным, не имевшимся в виду законодателем. Из-под действия вышеуказанной нормы, очевидно, следует исключить случаи «извлечения выгоды» типичного для подобных сделок размера, не презюмируя в этих случаях наличия влияния у контрагента должника, не обременяя такого контрагента обязанностью по опровержению презумпции и не присваивая ему статуса КДЛ.

В случае совершения сделок, выгода по которым превышает среднерыночные показатели, выгодоприобретатель презумпцию влияния на должника фактически опровергнуть не может. В отличие от вышеуказанного примера со сделками рыночными, правопорядок не сообщает участникам гражданского оборота виды доказательств, которые необходимы и достаточны для подтверждения отсутствия факта влияния на должника. В такой ситуации суды в спорах о привлечении выгодоприобретателей к банкротной субсидиарной ответственности сталкиваются со следующими фактическими обстоятельствами: (а) руководитель должника действовал незаконно или недобросовестно (подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве); (б) выгодоприобретатель из противоправного поведения должника извлек выгоду; (в) выгода явно превышает доходность по подобного рода сделкам; (г) в результате сделки должник впал в банкротство (представляется, что есть все основания считать частью юридического состава подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве не только факт «незаконного или недобросовестного поведения» единоличного исполнительного органа должника, но и наличие у должника вреда от такого поведения. Это следует из того обстоятельства, что в данной норме законодатель ссылается не на пункт 1 статьи 53 ГК РФ (где указано, что юридическое лицо участвует в гражданском обороте через свои органы), а на пункт 1 статьи 53.1 ГК РФ (где содержится ссылка не просто на органы юридического лица, а на органы, которые причинили юридическому лицу убытки); (д) подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве недвусмысленно указывает, что все вышеуказанные фактические обстоятельства законодатель считает признаками правонарушения, совершенного выгодоприобретателем (при этом степень уверенности законодателя настолько высока, что он презюмирует наличие влияния выгодоприобретателя на должника); (е) специфика спора такова, что все представленные ответчиком доказательства составлены выгодоприобретателем и руководителем должника (которых законодатель считает потенциальным и реальным делинквентом). Это относится к доказательствам любого рода (первоначальным и производным, «личным» и «материальным»).

В соответствии с частями 1 и 2 статьи 71 АПК РФ вышеперечисленные фактические и юридические обстоятельства оценивается судами (а) «по своему внутреннему убеждению» и (б) в своей совокупности, которая, очевидно, свидетельствует о минимальной вероятности совпадения случайного и отсутствия влияния у выгодоприобретателя, получившего «сверхвыгоды» за счет банкротства должника. Как писал римский юрист Юлиан, «[т]о, что случается редко, нелегко принимается во внимание…» (D.50.17.64) [13, с. 534-535]. «Правдоподобно то, что кажется правильным всем или большинству», подтверждает Аристотель [3, с. 349].

В этой связи суд будет относиться к доказательствам ответчика «критически», не считая их достоверными (достойными веры), поскольку они составлены лицами, выводившими активы должника и заинтересованными в сокрытии истины. Как правило, таким доказательством является не подтвержденная независимыми источниками документация (исторически свидетельские показания отечественным правопорядком признаются доказательствами «наименее надежными в силу их субъективного характера, а отличие от объективных – предметных доказательств» [22, с. 255-256]. При этом мы, безусловно, разделяем позицию С.В. Курылева, который с процессуальной точки зрения отличает подобные «подтверждения» (называя их «недостаточными доказательствами») от «фактов, которые вообще не могут служить доказательствами» [17, с. 190].

Обоснованность сомнений суда в доказательствах, составленных самими потенциальными делинквентами, мы находим в доктринальных источниках. Имея четкое представление о

намерениях законодателя (признающего наличие влияния у обогатившегося за счет банкрота лица), остается актуальным высказывание Ш. Монтескье, что «никогда не следует рассматривать законы независимо от цели, ради которых они были созданы» [23, с. 648]. «[Судья] судит согласно своему мнению», писал Аристотель [3, с. 583]. В. Случевский подтверждает, что «[в]нутреннее убеждение… должно быть продуктом критического отношения Судьи к наблюдавшимся им фактам…» [27, с. 379]. Правота последнего утверждения очевидна в случаях, когда доказательства подготовлены получившим «сверхвыгоды» ответчиком и правонарушителем (директором должника). По верному замечанию Е.Г. Комиссаровой, «[з]десь исключительная роль принадлежит «интеллектуальному осязанию» и интуиции правоприменителя» [15, с. 44].

Критическое отношение судьи к доказательственной базе ответчика, безусловно, затрагивает права законопослушных участников гражданского оборота, для которых чрезвычайно выгодное стечение обстоятельств, действительно, оказалось случайным. И.С. Шиткина справедливо отмечает, что «нельзя не отметить крайне тревожную тенденцию абсолютизации фактического контроля, способную дойти до опасной черты, связанной с отождествлением фактического контроля и противоправного поведения» [25]. Как пишет С.Н. Братусь, «неправильно смешивать любой сознательный поступок с виной» [4, с. 182]. Г.К. Матвеев прав, «действие признается виновным только тогда, когда оно противоправно (а вместе с тем и общественно опасно)» [20, с. 188]. «Не все общественно опасные действия будут противоправными», констатирует В.И. Кофман [16, с. 74].

**Заключение**

Применительно к банкротной субсидиарной ответственности выгодоприобретателя О.В. Гутников отмечает, что «новая норма Закона о банкротстве дает кредиторам… мощный инструмент, с помощью которого они лишь на основании одного факта получения дохода в связи с деятельностью должника будут считать контролирующими (и пытаться привлекать к ответственности) любых третьих лиц…» [12]. С ним соглашается И.В. Горбашев, отмечая в отношении положений подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве, что «формальное наложение презумпции на жизненные реалии приведет к мысли, что любой вступающий в отношения с должником участник оборота может оказаться под угрозой стать потенциальным контролирующим лицом, даже в условиях безупречности собственного поведения с точки зрения стандартов добросовестности» [10]. В рассмотренной нами ситуации фактической невозможности опровержения презумпции подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве справедливые опасения представителей доктрины становятся особенно актуальными. В нашем представлении законодательным и доктринальным решением вопроса (в случаях получения «сверхвыгод») может являться констатация безвиновной ответственности выгодоприобретателей, которые, обогащаясь за счет должника, впадающего в банкротство, идут на риск, в связи с чем отвечают независимо от вины.

**Литература**


1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., Статут. 1999. – 958 с.
2. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. IV. Отдельные обязательства. Санкт-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича. 1904. – 650 с.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., Мысль. 1978. – 687 с.
4. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., Юридическая литература. 1976. – 216 с.
5. Булаевский Б.А. Определение контролирующего должника лица в законодательстве о банкротстве: оценка отдельных новелл // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 16-18.
6. Видеозапись заседания «Банкротного клуба» от 03.12.2020. Цикл онлайн-мероприятий «Субсидиарная ответственность в разрезе презумпций». URL: https://www.youtube.com/watch?v=7A4ZwEYqHAw.
7. Видеозапись заседания «Банкротного клуба» от 28.03.2025. Нижний Новгород. Доклад арбитражного управляющего Лагоды М.С. URL: https://rutube.ru/video/9216b7b50d0e28a1151269000a21e666/.
8. Гаджиев Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000-2002 годов) // Журнал российского права. 2003. № 1.
9. Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право РСФСР. Т. 1: Гражданский кодекс. 3-е изд., испр. и доп. Москва, Гос. изд-во. 1924.
10. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 154-202.
11. Гражданский процесс России. Учебник. Под ред. М.А. Викут. М., Юристъ. 2004. – 459 с.
12. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., ИЗиСП. КОНТРАКТ. 2019.
13. Дигесты Юстиниана. Т. VII. Полутом 2. М., Статут. 2005. – 564 с.
14. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 1. Москва, Статут. 2021. – 466 с.
15. Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Монография. Тюмень, Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права. 2001. – 128 с.
16. Кофман В.И. Соотношение вины и противоправности в гражданском праве // Правоведение. Ленинград, Издательство Ленинградского университета. 1957. № 1. С. 65-76.
17. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, Издательство БГУ. 1969. – 204 с.
18. Лотфуллин Р.К. Привлечение к субсидиарной ответственности скрытого бенефициара // Судья. 2018. № 4. С. 33-35.
19. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по Определению Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 № 444-О.
20. Матвеев Г.К. Основания гражданскоправовой ответственности. Москва, Юридическая литература. 1970. – 312 с.
21. Мифтахутдинов Р.Т. Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 33-37.
22. Молчанов В.В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15. – 451 с.
23. Монтескье Ш. Избранные произведения. Москва, Государственное издательство политической литературы. 1955. – 799 с.
24. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Москва, Статут. 2013.
25. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития. Отв. ред. Е.П. Губин. М., Юстицинформ. 2019.
26. Репьев А.Г. Латентный вариант конструкции бланкетной правовой нормы // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 1-24.
27. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Санкт-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича. 1899. – 670 с.
28. Тарашкевич Л. Теория Павліянской жалобы. Варшава. Артист. Типография Сатурнина Сикорского. Новый-Светъ. № 47. 1897. – 128 с.


**Influence on the debtor as a sign of the beneficiary in bankruptcy subsidiary liability and the actual irrefutability of the presumption of such influence**


**Safin T.I.**

Saint Petersburg State University of Economics



In this article, the author considers the «possibility of determining the actions of the debtor» as a constitutive feature of the person controlling the debtor, including in cases of the presumption under subparagraph 3 of paragraph 4 of Article 61.10 of the Bankruptcy Law (when benefiting at the expense of the debtor) and paragraph

5 of Article 61.10 of the Bankruptcy Law (which grants the court the right at its discretion to assign the status of the controlling debtor). On the basis of grammatical and teleological interpretation of the relevant norms, the necessity of this feature in all cases of bringing to bankruptcy subsidiary liability is argued. Special attention is paid to the application of the presumption of influence in relation to «transit structures» used by ultimate beneficiaries to extract benefits at the expense of the debtor. The features of factual refutability of the presumption are considered in cases of market transactions and transactions whose benefits exceed average market indicators. The author concludes that the «presumption of influence» of the beneficiary over the debtor is virtually irrefutable due to the lack of evidence that the court, in its inner conviction, will accept as reliable and sufficient. As a legislative and doctrinal solution, the construction of strict liability of beneficiaries enriched at the expense of a debtor falling into bankruptcy on conditions significantly exceeding the average market is proposed.

Keywords: the person controlling the debtor, the ability to determine the debtor's actions, the discretion of the court, the «presumption of influence in obtaining benefits», the impossibility of refuting the «presumption of influence».

**References**

1. Alekseev S.S. Law: ABC – theory – philosophy: The experience of complex research. Moscow, Statute. 1999. – 958 p.
2. Annenkov K.N. The system of Russian civil law. Vol. IV. Separate obligations. St. Petersburg, Printing house of M.M. Stasyulevich. 1904. – 650 p.
3. Aristotle. Essays in four volumes. Vol. 2. Moscow, Mysl. 1978. – 687 p.
4. Bratus S.N. Legal responsibility and legality (an essay on theory). Moscow, Legal literature. 1976. – 216 p.
5. Bulaevsky B.A. Definition of a controlling debtor in bankruptcy legislation: assessment of individual novels // Journal of Business and Corporate Law. 2018. No. 3. Pp. 16-18.
6. Video recording of the meeting of the «Bankruptcy Club» dated 03.12.2020. The cycle of online events «Subsidiary liability in the context of presumptions». URL: https://www.youtube.com/watch?v=7A4ZwEYqHAw.
7. Video recording of the meeting of the «Bankruptcy Club» dated 28.03.2025. Nizhny Novgorod. Report of the arbitration manager Lagoda M.S. URL: https://rutube.ru/video/9216b7b50d0e28a1151269000a21e666/.
8. Gadzhiev G.A. The constitutional principle of judicial independence in the Russian Federation (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2000-2002) // Journal of Russian Law. 2003. No. 1.
9. Goikhbarg A.G. The economic law of the RSFSR. Vol. 1: The Civil Code. 3rd ed. Moscow, State Publishing House. 1924. – 269 p.
10. Gorbashev I.V. On some substantive and legal aspects of bringing to subsidiary liability in the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation // Bulletin of Civil Law. 2018. No. 4. Pp. 154-202.
11. The civil procedure of Russia. Textbook. Edited by M.A. Vikut. Moscow, Jurist. 2004. – 459 p.
12. Gutnikov O.V. Corporate liability in civil law: a monograph. Moscow, IZiSP. KONTRAKT. 2019.
13. Digests of Justinian. Vol. VII. Half-volume 2. Moscow, Statute. 2005. – 564 p.
14. Dozhdev D.V. The European tradition of private law: studies in Roman and comparative law: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Statute. 2021. – 466 p.
15. Komissarova E.G. Principles in law and the basic principles of civil legislation. Monograph. Tyumen, Tyumen State Institute of World Economy, Management and Law. 2001. – 128 p.
16. Kofman V.I. The ratio of guilt and illegality in civil law // Law studies. Leningrad, Leningrad University Press. 1957. No. 1. Pp. 65-76.
17. Kurylev S.V. Fundamentals of the theory of evidence in Soviet justice. Minsk, BSU Publishing House. 1969. – 204 p.
18. Lotfullin R.K. Bringing a hidden beneficiary to subsidiary liability // Judge. 2018. No. 4. Pp. 33-35.
19. Dissenting opinion of Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation G.A. Gadzhiev on the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02.11.2006 No. 444-O.
20. Matveev G.K. Grounds of civil liability. Moscow, Legal literature. 1970. – 312 p.
21. Miftakhutdinov R.T. Persons controlling the debtor as subjects of subsidiary liability in bankruptcy // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 7. Pp. 33-37.
22. Molchanov V.V. The development of the doctrine of witnesses and witness testimony in civil proceedings: thesis of Doctor of Legal Sciences: 12.00.15. – 451 p.
23. Montesquieu Ch. Selected works. Moscow, State Publishing House of Political Literature. 1955. – 799 p.
24. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. Moscow, Statute. 2013.
25. Russian Business Law: results, trends and ways of development. Ed. by E.P. Gubin. Moscow, Justicinform. 2019.
26. Repyev A.G. Latent version of the blank legal norm construction // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (61). Pp. 1-24.
27. Sluchevsky V. Textbook of the Russian criminal process. St. Petersburg, Printing House of M.M. Stasyulevich. 1899. – 670 p.
28. Tarashkevich L. Theory of the Pauline complaint. Warsaw. Printing house of Saturnin Sikorsky. Novy-Svet. No. 47. 1897. – 128 p.